

Изъ мифической Колхиды *).

І. Сотвореніе Богомъ міра.

Богъ сотворилъ землю, деревья и все, что существуетъ на свѣтѣ.

По истеченіи нѣкотораго времени діаволь предсталъ предъ Творцомъ и сталъ предъявлять свои права на міръ, состоявшій еще пока только изъ земли и деревьевъ.

Была весна; всѣ деревья были покрыты свѣжими листьями и цвѣтами. Богъ предоставилъ сатанѣ избрать одно изъ двухъ: землю или деревья. Алчные глаза, при видѣ роскоши свѣжей зелени и цвѣтовъ, соблазняютъ сатану, и онъ избираетъ себѣ растительный міръ. Тогда Создатель приказываетъ ему очистить землю, а Самъ воздвигаетъ каменные стѣны и пускаетъ туда виноградныя лозы...

Діаволь долго мучился, принималъ всѣ мѣры спасти свое достояніе, но напрасно. Видя, что „вездѣ Господня земля“ и негдѣ ставить ему представителей флоры, сатана отказывается отъ правъ на деревья, создаетъ козъ и пускаетъ на виноградъ.

Всемогущій, видя, что эти рогатыя діавольскія творенія безпощадно, даже на высокой скалѣ, уничтожаютъ виноградъ, создаетъ волковъ и пускаетъ ихъ на козъ. Последнее обстоятельство заставило діавола отказаться и отъ козъ и удалиться во-свояси.

Черезъ нѣкоторое время діаволь предсталъ опять предъ

*) Нѣкоторыя главы подъ разными заглавіями мною помѣщались въ „Черноморскомъ Вѣстникѣ“ за 1897 годъ съ нѣкоторыми сокращеніями и исключеніемъ того, что не допускается ежедневнымъ періодическимъ изданіемъ.

Богомъ и просить, чтобы всѣ люди, которые, собираясь взлѣзть на дерево, не вспомнать Творца и не сдѣлають крестнаго знамени, принадлежали и душой и тѣломъ ему, диаволу. Всемогушій и на это согласился.

Этимъ объясняется то обстоятельство, что и по настоящее время жители Мингреліи, взбираясь на дерево, вспоминають Бога и приступаютъ къ дѣлу не иначе, какъ осѣнивъ грудь свою крестнымъ знаменіемъ. Иногда приходится наблюдать и дѣтей, еще не успѣвшихъ усвоить правилъ религіи, въ роли исполнителей этой заповѣди.

II. Солнце и луна.

Въ глубокой древности солнце и луна, будучи оба самосвѣтящимися существами, обладали способностью ходить по-человѣчески.

Какъ простые смертные они имѣли неосторожность влюбиться въ красавца-сына одной вдовы. Послѣдняя, замѣтивъ частыя, безпричинныя и довольно продолжительныя отлучки сына, прослѣдила его и застала въ лѣсу сидящимъ за роскошно накрытымъ столомъ, за которымъ прислуживали солнце и луна. Огорченная этимъ мать придумывала средства, какъ бы отвести отъ своего дома назойливыхъ посѣтителей. Однажды, подъ вечеръ, она доила коровъ и когда замѣтила идущихъ солнце и луну, то, оставивъ подойникъ, подняла свѣжій коровій пометъ и бросила въ нихъ. Пометомъ она попала и въ солнце и въ луну. Испачканное солнце, долго не думая, бросается тутъ же въ подойникъ съ молокомъ и, выкупавшись въ молокѣ, летитъ безвозвратно на небо; но лунѣ этого не удалось сдѣлать; она улетѣла къ морю, но послѣднее было не близко и, пока она добралась до него, пометъ присохъ, а потомъ, сколько она ни купалась, его уже нельзя было смыть. Такимъ образомъ испачканная луна съ уменьшеннымъ уже свѣтомъ послѣдовала за солнцемъ.

Этимъ объясняютъ то обстоятельство, что по-мингрельски солнце называютъ „бжа“ (молоко).

III. О Вогоматери *).

Евреи, видя, что пречистая Дѣва скоро должна сдѣлаться матерью, и ничего не подозревая о непорочномъ зачатіи, окружили ее и собирались побить камнями. Вдругъ изъ утробы ея, сбоку, появился Юноша. Онъ топнулъ ногою, земля разверзлась и Оба скрылись съ глазъ гонителей. Черезъ нѣкоторое время, придя на свѣтъ снова, Іисусъ Христосъ является повсюду со Своею матерью, начинаетъ проповѣдывать, учить народъ и творить чудеса.

IV. О святомъ Георгіи.

Въ общественной жизни св. Георгій славился какъ хорошій наѣздникъ и воинъ и отличался атлетическимъ сложеніемъ. Суточная его порція состояла изъ одного быка, двухъ пудовъ проса и полутора пуда вина. Всевышнему непріятно было это, потому во время сна Онъ вынулъ желудокъ изъ него и положилъ на вершину одного баснословно высокаго дуба.

На слѣдующее утро Богъ спросилъ Георгія, не хочетъ ли онъ покушать, но тотъ, уже узнавъ, въ чемъ дѣло, отвѣтилъ, что дальше ему и не полагается кушать.

Богъ предложилъ Георгію объяснить, что онъ больше всего желалъ бы имѣть въ настоящее время. Георгій отвѣтилъ, что онъ желаетъ, чтобы его вспоминали и почитали жители сего края отъ горъ и до моря, и отъ востока и до запада, на разстояніи полета стрѣлы Создателя. Богъ пустилъ одну стрѣлу на востокъ, другую стрѣлу на западъ и такимъ образомъ опредѣлилъ предѣлы поклоненія св. Георгію.

*) Со словъ покойнаго отца слышано въ дѣтствѣ.

Этимъ объясняютъ то, что къ нему, въ дѣйствительности, стекаются на поклоненіе со всѣхъ концовъ Кавказа: грузины, имеретины, гурійцы, лечхумцы, сваны, мингрельцы, абхазцы и прочіе.

Дубъ, на которомъ висѣлъ желудокъ, до слѣдующаго дня былъ сѣденъ до основанія тѣмъ же желудкомъ. Послѣ этого св. Георгій почилъ въ Илорахъ, близъ Очемчиръ, Кодорскаго участка, гдѣ въ настоящее время находится Илорская его чудотворная икона. Послѣдняя, по вѣрованію мингрельцевъ, и до настоящаго времени чудеснымъ образомъ приводитъ и водворяетъ въ Илори краденныхъ быковъ *).

Въ истекшемъ году носился среди суевѣрныхъ мингрельцевъ слухъ о кражѣ и приводѣ въ Илори даже одной дѣвочки-китайки.

VI. Новый годъ и св. Соломонъ.

У мингрельцевъ новый годъ начинается не въ полночь на 1 января, но съ 12-ти час. дня, такъ что день этотъ, по ихъ мнѣнію, до полудня считается декабремъ, а съ полудня январемъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ мингрельцы за тѣмъ, въ какой именно фазѣ Новый годъ застаетъ луну. Если будетъ новолуніе, т. е. вечеромъ 1 января луна покажется на западномъ небосклонѣ, то душевно радуется мингрелецъ—житель западной части Мингрелии, ибо ожидается обильный урожай въ этой части Одиши. Если же будетъ полнолуніе, т. е. вечеромъ луна покажется на востокѣ, то тогда хорошій урожай будетъ въ восточной части страны. Существуетъ обычное выраженіе: „мунаціс мидууртѣм елахыше“ (урожай пошелъ на востокъ).

По понятіямъ мингрельцевъ годъ имѣетъ 363 дня; по

*) Богъ почему въ глазахъ мингрельцевъ и абхазцевъ похищеніе чужой собственности не считается преступленіемъ: оно освящено религіозными вѣрованіями; ниже помѣщено еще и другого рода освященіе воровства. *Ред.*

числу дней въ году должно существовать столько же ремесль. Основателемъ всѣхъ этихъ ремесль считаютъ святаго Соломона. Вотъ что рассказываютъ про послѣдняго.

Главнымъ занятіемъ св. Соломона было кузнечное ремесло (отсюда и святость кузницы и неприкосновенность всѣхъ предметовъ, въ ней находящихся, а равно и существованіе въ ней особаго виннаго кувшина для молитвеннаго обряда), но онъ бралъ раскаленное желѣзо рукою и ковалъ кулакомъ на своемъ колѣнѣ. Вслѣдствіе этого онъ при всемъ желаніи не могъ обучать простыхъ смертныхъ этому ремеслу. Христосъ, видя это, научилъ и посвятилъ его въ тайны приготовленія наковальни, щипцовъ и молотка. Послѣ этого вмѣстѣ съ другими и это ремесло сдѣлалось достояніемъ простыхъ смертныхъ.

Однажды св. Соломонъ приходитъ къ Богу и просить Его позволить ему временно управлять вселенною. Получивъ на это согласіе Всемудраго, онъ вступилъ въ управленіе міромъ и съ высоты Божьяго престола видитъ слѣдующую картину: ѣдетъ человѣкъ по дорогѣ и, когда ему захотѣлось пить, то онъ, слѣзши съ коня, напился изъ живительнаго родника, журчащаго тутъ же у дороги, и отправился въ дальнѣйшій путь. При этомъ онъ не замѣтилъ, какъ изъ-за пазухи выпалъ кошелекъ съ деньгами. Другой человѣкъ, живущій по сосѣдству, тутъ же у родника, приходитъ за водой, находитъ кошелекъ и присваиваетъ его себѣ.

Какъ разъ въ это время плелся по дорогѣ старикъ, видимо, уставшій отъ дальняго путешествія. Желая отдохнуть, онъ расположился у родника. Старикъ этотъ не успѣлъ еще хоть сколько-нибудь овлажнить морщинистый свой лобъ холодной струею и подкрѣпить свои дряблыя силы дорожной закуской (орзоли), какъ прискакалъ человѣкъ, уронившій кошелекъ съ деньгами. У родника онъ засталъ ста-

рика, который на его вопросъ, гдѣ деньги, сталъ увѣрять, что ихъ не видѣлъ и не знаетъ, гдѣ онѣ. Раздосадованный ѣздохъ, не убѣдившись въ справедливости его словъ, вынимаетъ пистолетъ: грянуль выстрѣлъ и грохнулось бездыханное тѣло ни въ чемъ неповиннаго старца.

Святой Соломонъ, видя такую возмутительную сцену, воскликнулъ: „Что случилось! ахъ, да провались ты, мать-земля!“

Земля вздрогнула, зашаталась и неминуемо провалилась бы, если бы Богъ мгновенно не лишилъ св. Соломона власти и не вступилъ снова въ управленіе вселенной.

Земля успокоилась.

Затѣмъ Промыслитель объясняетъ св. Соломону, что на свѣтѣ ничему не слѣдуетъ удивляться, что все это происходитъ по предопредѣленію Божию: предокъ убитаго былъ виновенъ въ крови предка убійцы *), а предокъ утеравшаго деньги долженъ былъ предку нашедшаго кошелекъ денегъ.

VI. Молитвенные обряды на почвѣ язычества и магометанства, до сихъ поръ существующіе въ Мингреліи, въ календарномъ порядкѣ.

1. При видѣ новой луны старикъ-мингрелецъ снимаетъ головной уборъ, становится лицомъ къ Турціи и произноситъ слѣдующія слова:

„Тута ахали! Боронті, Сі гаахарі чкімі чілі до скуа“!...
„Луна новая! Боже, Ты весели мою жену и дѣтей“!...

2. 1 января, къ обѣду, сверхъ обычныхъ кушаній, старшая въ семьѣ готовитъ кукурузный чурекъ, приправленный свинымъ саломъ. Накрывъ столъ, чѣмъ Богъ послалъ, мужчины садятся по одну сторону очага, а женщины по другую и на костеръ кладутъ плюшевую палочку съ пучкомъ листьевъ на обоихъ концахъ; при этомъ они слѣдятъ за

*) Кромѣя мести находить въ этомъ вѣрованіи свою санкцію. Ред.

тѣмъ, чтобы палочка посрединѣ перегорѣла, а концы остались невредимыми. Къ тому времени выбираютъ изъ членовъ семьи мальчика и дѣвочку на состязаніе, назначаютъ имъ мѣста, съ двухъ противоположныхъ сторонъ, до которыхъ они должны добѣжать. Дождавшись, когда палочка перегоритъ, выбранные подхватываютъ тлѣвшіе концы плюща и бѣгутъ черезъ противоположныя двери дома. Перебросивъ плющъ черезъ конъ, стремятся обратно первыми попасть въ домъ. Побѣдитель затворяетъ противнику двери въ знакъ побѣды. Начинается тогда второе состязаніе, требующее еще больше ловкости и умѣнья. Старшій и старшая въ семьѣ должны разломать вышеуказанный чурекъ, положивъ его на головешку. При этомъ каждая сторона старается захватить себѣ побольше чуреку. Кому достался послѣдній кусокъ, то тотъ считается побѣдителемъ. Состязанія эти имѣютъ такой смыслъ, что если побѣда останется на сторонѣ прекраснаго пола, то въ этомъ году трудъ женскій будетъ обильнѣе и производительнѣе, чѣмъ мужской и обратно. Опредѣливъ, чего будетъ больше—шелку или хлѣба, участники трапезы весело продолжаютъ ее.

Послѣ обѣда хозяйка дома приготовляетъ „кіру-кару“ (непонятно). Это—лепешки, которыя изображаютъ: висти винограда, жерновъ ручной мельницы, лопатки, ясли, молотильное корыто (очамуре), цѣпы (какутеці), свинью и насѣдку. Послѣднюю прежде, чѣмъ испечь, прокалываютъ остриемъ куриного пера, приговаривая съ повтореніемъ нѣсколько разъ:

„Че қотомі, челаіа! че муномірхіалее; оші антасі
„Бѣлая курица, бѣленькая! бѣлая высиживай; сто тысячъ
чкімі тіс, ака—мезобеліші тіс!“
мой (въ) семью, одинъ — сосѣда (въ) семью!“

Къ вечеру, когда все будетъ готово, присутствующіе собираются на прогулку, въ которой принимаютъ участіе

лица всякаго возраста и пола. Каждый изъ соучастниковъ этой прогулки обязательно долженъ быть чѣмъ-нибудь навьюченъ: одинъ тащить лепешки, другой—мѣшокъ съ зерномъ кукурузы, третій—ребенка, четвертый—тоже ребенка и т. д. Вооруженные палками, всѣ заходятъ въ погребъ, становятся въ рядъ по длинѣ давилни (очынах) и, ударяя по ней палками, громко поютъ слѣдующія слова:

„Пуцѣліа, пуцѣліа! чѣмі мамулі харгѣліа! шхваші
 „(Непонятно) мой виноградникъ навьюченный! чужой
 мамулі цурцѣліа!“
 виноградникъ одинъ листь!“

Послѣ ужина одинъ изъ членовъ семьи приноситъ по счету столько орѣховъ, сколько всего душъ въ ней. Всѣ—и старъ, и младъ окружаютъ вѣщунью. Послѣдняя на имя каждаго изъ членовъ семьи вынимаетъ по одному орѣху и разбиваетъ его, при чемъ начинаетъ со старшаго. Въ этой церемоніи вниманіе всѣхъ присутствующихъ, главнымъ образомъ, сосредоточивается на моментѣ удара молотка, такъ какъ тогда должно выясниться, кто умретъ въ текущемъ году. Вся суть въ ядрѣ орѣха. Если оно годное, безъ поврежденій, то его хозяинъ будетъ здравствовать цѣлый годъ. Въ противномъ случаѣ, вся семья, какъ бы въ ожиданіи несчастья, которое въ этомъ году должно надъ ними разразиться, начинаетъ плакать и рыдать.

Ядра этихъ орѣховъ собираютъ въ сосудъ, подливаютъ вина и настаиваютъ ихъ на немъ до слѣдующаго утра. Утромъ натошакъ каждому даютъ отпить настойку съ орѣхомъ. Это даетъ человѣку хорошій цвѣтъ лица, предохраняетъ его отъ пьянства и дурного запаха изо рта.

3. 2 января называется „кучха“ или день посѣщенія. Въ этотъ день желательно посѣщеніе человѣка, обладающаго хорошими ногами и глазами. Всѣ обряды, исполняе-

мые въ этотъ день, совершенно тождественны съ грузинскими. О нихъ много писалось и въ Сборникѣ, и потому въ подробности я не намѣренъ вдаваться.

4. 5 января называется *цѣнандзе* — канунъ. Соблюденіе поста въ этотъ день доведено до крайности. Въ этотъ день избѣгаютъ всего скоромнаго, а если рѣшаются ѣсть что-нибудь, то только чужое. Сѣбѣстные припасы берутъ у сосѣдей и то кушаютъ только одинъ разъ — немного, или за обѣдомъ, или за ужиномъ. Ёсть капусту или брюкву воспрещаютъ. Объясняютъ это тѣмъ, что Христосъ въ день преслѣдованія скрылся между листьями этихъ растеній.

5. За 25 дней до Великаго поста въ среду совершается молитвенный обрядъ „Нерчіші хвама“, иначе называющійся „Оцумашхурі“ (молитва на среду). Въ этотъ день хозяйка дома къ обѣду приготовляетъ четыре хлѣбца, запирается одна, совершаетъ тайно молитву, зажигая при этомъ двѣ свѣчи на заднихъ дверяхъ и двѣ на переднихъ, и, пока свѣчи горятъ, доѣдаетъ эти хлѣбцы, а затѣмъ отворяетъ дверь. Къ ужину пекутъ (непремѣнно изъ ржаной муки) большой хлѣбъ, набитый внутри фасолію; кладутъ его на деревянное блюдо (*нісорі*) и ставятъ на землю у восточнаго угла дома. Хозяинъ и хозяйка поочередно подходятъ, дѣлаютъ земной поклонъ и въ полголоса произносятъ молитву, упоминая какое-то божество — „Нерчі патъні“; ихъ примѣру слѣдуютъ всѣ въ семьѣ.

Слово „нерчі“ непонятно. Въ общежитіи этимъ словомъ обозначается основаніе чего-либо или тотъ клочокъ земли, на которомъ стоитъ домъ. Если домъ стоитъ высоко, т. е. имѣетъ полъ деревянный, то въ немъ „оцумашхурі“ нельзя совершать. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что „Нерчі“ — богъ земли.

6. За 24 дня до Великаго поста празднуется „Мірсо-

ба". Нѣкоторые называютъ „Нірсоба". Первое названіе непонятно, а второе можно перевести такъ: „туманность". Свиныя, предназначенныя въ жертву божеству, носятъ названіе „омірсе". Последняя (съ большимъ почетомъ) откармливается нѣсколько недѣль. Въ день „Нірсоба", въ четвергъ, хозяинъ дома беретъ свинью за заднія ноги, обводитъ ее вокругъ очага нѣсколько разъ и произноситъ слѣдующую молитву:

„Дбарі Мірсобаші мозоцуа! ма до чкімі чілі до
„Сегодняшнее „Нірсоба“ пожалованіе! мнѣ и мой женѣ и
сқуас беді мечі, бедінеро даарінее, ірі аліані до ча-
дѣтямъ счастье дай, счастливо поставь, всякое діавольское и лу-
ліані қыгааражі, ірі убадо шарас, цкарц сі до-
кавое (отъ него) отгони, (отъ) всякой дурной дороги, воды ты со-
тхілсе, сқані сахелі хвамелі!“
храни, твое имя благословенно!“

Молитва эта сопровождается пронзительнымъ крикомъ водимой за ноги свиньи. При этомъ и старъ и младъ, какъ бы спасаясь отъ бросающейся въ разныя стороны свиньи, бѣгутъ на лавки, слѣдя оттуда за открывшимъ шествіе хозяиномъ и свиньей.

Къ обѣду хозяйка готовитъ для каждой души въ семьѣ по 2 вареныхъ лепешки и по 2 вареныхъ яйца. За трапезой каждый изъ сидящихъ, держа въ каждой рукѣ по лепешкѣ и яйцу, прикладываетъ ихъ крестообразно къ глазамъ и произноситъ по два раза:

„Дбарі Мірсобаші мозоцуа! чкімі толц чкімі
„Сегодняшнее „Нірсоба“ пожалованіе! моимъ глазамъ меня
гамахаребелі қаазірі!“
веселящее дай зрѣть!“

Хозяйка должна приготовить для себя яйцеобразный кукурузный хлѣбъ (вареный), внутри котораго до варки владеть куриное яйцо. По этому яйцу она опредѣляетъ

судьбу своей семьи. При благоприятном предзнаменованіи яйцо должно выйти цѣльнымъ. Этимъ кончается праздникъ.

7. *За 17 дней до Великаго поста* (въ слѣдующій за „Мирсоба“ четвергъ) празднуется „Борсоба“. Виновникъ праздника божество „Борсѣ“. Отъ него осталось одно только названіе. Надо полагать, что это божество тождественно съ божествомъ „Мирсѣ“, которое, надо полагать, повелѣваетъ огнемъ и свѣтомъ. Въ продолженіе года, если кто-либо обварится, обожжется или ослѣпнѣтъ въ семьѣ, то это сейчасъ приписываютъ гнѣву „Мирса“ и бѣгутъ къ ворожеѣ спросить, чѣмъ помочь горю. Та, конечно, распорядится по-своему.

8. *За 10 дней до Великаго поста* (въ слѣдующій за „Борсоба“ четвергъ) празднуется „Капуноба“. Виновникъ торжества божество „Капунія“. Значеніе слова непонятно. Существуетъ преданіе, что въ незапамятное время мингрельцы въ этотъ день обязаны были приносить божеству „Капуніи“ человѣческую жертву, которую въ настоящее время замѣняетъ свинья „Окапуне“. Последняя, какъ „Омирсе“, откармливается нѣсколько недѣль. Порядокъ жертвоприношенія такой же, какъ и „Мирсоба“, а равно и молитва та же, только упоминаютъ „Капунію“.

Мясо свиней „Омирсе“ и „Окапуне“ строго воспрещено давать кушать гостямъ и постороннимъ лицамъ. Остатки мяса и кости выбрасываютъ или жгутъ на кострѣ.

9. *Въ день заговѣнія Великаго поста* воспоминается божество „Жіні Антарі“, что значитъ въ переводѣ — „Верхній Антари“. Первое слово употреблено въ смыслѣ „небесный“, а второе непонятно. Порядокъ жертвоприношенія таковъ:

Въ этотъ день рано утромъ мѣсятъ тѣсто изъ кукурузной муки, примѣшиваютъ къ нему особо для него при-

готовленную закваску и къ ужину пекутъ на очагѣ квасный хлѣбъ, имѣющій квадратную форму довольно большого размѣра. Расположивъ на очагѣ тѣсто, въ серединѣ его помѣщаютъ конусообразно вырѣзанный кусокъ сыра основаніемъ вверхъ такъ, чтобы основаніе конуса приходилось въ уровень съ поверхностью тѣста. Все это прикрываютъ заранѣ сваренными листьями плюща, а наверхъ сыплютъ горячую золу.

Когда хлѣбъ будетъ готовъ и настанетъ время ужинать, располагаются около очага за столикомъ (табакі). Старшій въ семьѣ снимаетъ съ хлѣба золу и листья, не сдвигая его при этомъ съ мѣста (очага); рѣжетъ хлѣбъ на нѣскольکو квадратныхъ кусковъ и произноситъ при этомъ слѣдующую молитву:

Жіні Антарі, патъні гоморзгвілі! чѣмі орінці сі
Небесный „Антари“, господинъ побѣдоносный! мой скоть ты
амініні! Опошо гыпачоцундее до мутас маакорды-
умножь! По сту (если) выгонять буду и нисколько не умень-
дасъні, ухацу до хацілц ваішебчінендее теші.
шадса бы, тельную и отеленную не различалъ бы (я) такъ.

Куски эти располагаются на столикѣ, кромѣ средняго куска съ конусообразнымъ сыромъ (цѣбзы), который достается хозяину.

Послѣ ужина со столика (табакі) снимаютъ остатки — крошки, которые называются долей мухъ и воронъ. Доля (тіа) эта хранится до утра, когда крохи эти выбрасываютъ на крышу дома, чтобы собаки не поѣли. По вѣрованію мингрельцевъ, исполнившіе этотъ обрядъ въ продолженіе года избавляются отъ назойливыхъ мухъ, а кукурузныя поля ихъ — отъ нападенія воронъ. При этомъ виномъ полощутъ ротъ и моютъ пальцы ногъ, полагая, что это предохраняетъ ихъ отъ мозолей и другихъ болѣзней.

10. *Первый день Великаго поста*, по-мингрельски

„Туташха бедінері“ (счастливый понедѣльникъ). По понятіямъ мингрельцевъ, всякія дѣла, начатыя въ этотъ день, будутъ имѣть счастливый исходъ. Въ особенности обученіе ребенка грамотѣ должно начинаться въ этотъ день. Для этого берутъ двѣ сковороды съ водою (можно взять, кажется, и тазъ); ставятъ ихъ передъ ребенкомъ, сидящимъ на полу; берутъ мальчика за босыя ноги и заставляютъ его мочить ноги на сковородѣ крестообразно нѣсколько разъ. При этомъ раскрытая азбука лежитъ передъ ребенкомъ, которому сообщаются первыя буквы азбуки.

Молитвенный обрядъ, совершающійся въ этотъ день, называется „Отуташхурі“ (понедѣлничій). На каждую душу въ семьѣ положено по два ржаныхъ хлѣбца. „Отуташхурі“ можно совершать и въ слѣдующій понедѣльникъ, и дальше, только, непременно, во время Великаго поста.

Въ этотъ день на ночь собираются дѣвушки изъ окрестностей, обыкновенно, послѣ ужина. Особого разрѣшенія у родителей не берутъ, такъ что часто родители не знаютъ, куда бы могла уйти ихъ дочь. Собравшись около десяти и болѣе, онѣ выбираютъ самую старшую, на которую возлагаютъ обязанность кухарки въ приготовленіи „цкыты кварі“ (пересоленныхъ лепешекъ). При этомъ на три части тѣста берется одна часть соли. Надо видѣть ихъ въ моментъ принятія этихъ лепешекъ, когда пересоленный кусокъ такъ и застреваетъ во рту и ни за что не желаетъ идти дальше горла. Раскатистый смѣхъ, проклятіе, а, иногда, и ругань по адресу этихъ адскихъ лепешекъ даютъ знать о началѣ этой обрядности.

Лепешки по три и четыре, величиною въ куринное яйцо, уже съѣдены. Теперь остается лечь и ожидать рѣшающаго жизненный вопросъ сна. Дѣвицы располагаются по одну сторону на лавкахъ, а юноши, если они налицо, по другую.

На другое утро вся эта компанія начинаетъ разсказывать, что снилось на ночь.

Въ продолженіе года если кому-либо суждено выйти замужъ или жениться, то они въ эту ночь должны увидѣть своего суженаго или суженую и черезъ нихъ же и утолить во снѣ свою жажду.

Въ этотъ же день къ обѣду варятъ усѣченно-конусообразныя лепешки; въ одну изъ нихъ хозяйка передъ варкой тайно втыкаетъ деревянный гвоздь „ѡкырї“; лепешка съ гвоздемъ называется „хозо-кварї“, а самый обрядъ— „хозо-кварїні ѡкумуа“. На чью долю выпадетъ „хозо-кварї“, тотъ на свой счетъ долженъ устроить закуску, сопровождаемую попойкой.

11. *Первая суббота Великаго поста* называется „Тердоба“ (день Θεοδота) и считается праздникомъ лошадей. Обрядъ „Тердоба“ исполняютъ только тѣ, у которыхъ есть налицо лошадь, и состоитъ въ слѣдующемъ:

Хозяйка изъ пшеничной муки мѣситъ тѣсто, изъ котораго выводитъ модели: лошади, сѣдла, узды, подпруги, ногайки, подковы, шлеи, нагрудника и т. д. Когда все это выпечется, кладетъ на деревянное блюдо (нісорї), которое къ ужину ставитъ на востокъ отъ очага, на полу. По краямъ блюда прикрѣпляетъ нѣсколько зажженныхъ свѣчей, а подъ моделями подливаетъ вина, но не настолько, чтобы послѣднія плавали.

Нѣкоторыя искусныя хозяйки своей рукой такъ ловко выводятъ эти модели, что сразу можно признать, что онѣ изображаютъ.

Когда хозяйка отходитъ, начинается шествіе.

Первымъ открываетъ шествіе хозяинъ. Для этого онъ завязываетъ голову и бороду башлыкомъ, оголяетъ руки, становится на четверенькахъ и со ржаніемъ и брыканіемъ,

подражая лошади, направляется къ блюду, обходить его ретиво нѣсколько разъ и беретъ (на выборъ, что захочетъ) одну или, сколько можетъ, моделей зубами безъ помощи рукъ, лягнетъ нѣсколько разъ стѣну и дверь и въ такомъ порядкѣ возвращается къ очагу съ добычею. За нимъ слѣдуетъ другой, третій и т. д.

Бываютъ случаи, когда вмѣсто добычи возвращаются назадъ безъ бороды, усовъ и волосъ, которые дѣлаются жертвою пламени по неосторожности удалцовъ. Иногда отъ слишкомъ щедрого удара и дверь срывается.

Обрядъ слишкомъ забавный. Хохоть, крикъ, шумъ-гамъ не умолкаютъ до конца.

На другой день хозяйка должна послать „свою долю“ тому, отъ котораго имѣется въ подарокъ лошадь. Доля эта состоитъ изъ коллекціи пшеничныхъ моделей.

Третье воскресенье Великаго поста называется „Мута жешха“ въ переводѣ „ничего воскресеньє“, четвертое — „Буру жешха“ — „ребенокъ воскресеньє“ (глупое); пятое — „Аіа жешха“ — „Айа воскресеньє“, шестое — „Баіа жешха“ — „Байа воскресеньє“.

По этому поводу существуютъ прибаутки:

Аіа ре, Баіа ре;

Айа есть, Байа есть;

Баіамі цорі Танаца ре;

Байа (черезъ) недѣлю Пасха есть;

Кірсе рены до Каланда ре;

(Рождество) Христа есть и Новый годъ есть;

Цакуртхія цигірі дза ре.

Крещеніе хорошій день есть.

12. „Газигеба“ бываетъ всегда въ среду на 24-й день Великаго поста. Въ этотъ день на ужинъ первый разъ готовятъ кашу (цванері) изъ молодыхъ всходовъ крапивы (чучелі). При ранней Пасхѣ добыча крапивы иногда

затруднительна, но почему-то присутствіе послѣдней настолько обязательно, что жители нагорныхъ мѣстъ Мингрелии, гдѣ вѣшніе всходы запаздываютъ, спускаются на низменности за добычею крапивы къ этому дню. Съ наступленіемъ Новаго года строго воспрещено называть крапиву (чучелі) своимъ именемъ. Если почему-либо произнесеніе ея имени бываетъ неизбежно, то разрѣшается называть ее „озеші хоцї“ (дворовый быкъ). Послѣ „газігеба“ можно называть крапиву своимъ именемъ. Хозяйка дома должна принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы ужинъ (кромя крапивы) состоялъ изъ возможно большаго числа блюдъ, а крапивная каша, конечно, занимаетъ первое мѣсто. Когда ужинъ готовъ, берутъ съ каждаго блюда по ложкѣ или по кусочку, и все это въ извѣстномъ порядкѣ кладутъ на особую для сего прибитую къ переднимъ дверямъ полку, называемую „карбузі“. Послѣдняя устроена такимъ образомъ, что въ нижней части имѣется отверстіе для засова, запирающаго обѣ половины двери. Все это дѣлается въ ожиданіи духа „Газігіа“, который въ эту ночь обходитъ всѣ дома и осматриваетъ столъ каждаго. Чтобы легче было „Газігіа“ видѣть ужинавшихъ, отворяютъ оконце (безъ стеколъ), называемое „ондѣшї карї“ (полуденная дверь). „Газігіа“ при видѣ обильнаго стола произноситъ:

„Міс уфуні, холо тіс!“
„У кого есть (имѣется), опять ему!“

а лѣниваго хозяина оставляетъ съ проклятіемъ, т. е. у кого много хлѣба-соли да дастся опять ему, а у кого нѣтъ, пусть отнимется у него и то, что имѣеть.

Почему присутствіе крапивы обязательно и какая кара ожидаетъ нарушителей, объяснить трудно.

13. „Го харѣалаца“. Въ Великій Четвертокъ съ первымъ пѣтухомъ встаетъ одинъ изъ членовъ семьи жен-

скаго пола, преимущественно дѣвица; она избирается еще съ вечера и носитъ названіе „мешурбуме“ (молчальница). Такъ называется она потому, что до извѣстнаго времени не имѣеть права ни говорить ни шептать, словомъ, не должна проронить ни одного звука.

Послѣ ужина, прежде чѣмъ лягутъ спать, „мешурбуме“ беретъ веретено и начинаетъ пряхть обязательно шерсть. Съ этого момента она и считается молчальницею. Окружающіе ее и малые и большіе стараются заставить молчальницу проронить слово, но напрасно.

Молчальница должна встать ночью тайно, тайно же она должна перевязать у всѣхъ въ семьѣ одну ногу ниже колѣнъ обязательно шерстяною ниткою (которую она спряла съ вечера). Послѣ этого беретъ мѣдный тазъ или мѣдный котелъ „чанурі“ и палку, бьетъ тревогу и тѣмъ будить всю семью. Послѣдняя встаетъ. Опять тѣ же нападки на „мешурбуме“, чтобы она проговорила, но опытная молчальница всегда одерживаетъ побѣду. Одинъ или нѣсколько мужчинъ или женщинъ съ камышевыми свистками и свирѣлями, либо звенящими предметами присоединяются къ молчальницѣ. По сигналу, данному „мешурбуме“, тѣ также начинаютъ шумѣть: одни звенятъ, другіе свистятъ, третьи играютъ въ бубны, четвертые—на свирѣли и т. д., кто во что гораздъ.

Это-то и называется „гохарчалаца“.

Затѣмъ вся эта процессія при общемъ шумѣ и гвалтѣ обходитъ кругомъ снаружи домъ, потомъ посѣщаетъ амбаръ, кукурузникъ, курятникъ, хлѣвъ, погребъ и весь дворъ. Этимъ кончается обрядъ, если не пожелаютъ двинуться по сосѣдямъ, гдѣ ихъ принимаютъ всегда радушно.

Вернувшись домой, молчальница оставляетъ управление хоромъ своей музыки, беретъ мотыгу (бергі), поднимается по лѣстницѣ въ „цхвѣнді“ (потолокъ надъ очагомъ), даетъ

знакъ кому-либо изъ присутствующихъ взять каменный пестикъ и исполнять у очага роль отвѣтника или отвѣтчицы, а сама, ударяя мотыгой объ потолокъ, будто она работаетъ въ полѣ, начинаетъ говорить во всеуслышаніе *):

„Мі звана до мі цхвѣндіа!“

„Слыхано ли, на потолокъ обрабатывали поле!“

Другой ударяетъ пестикомъ объ землю, какъ будто убиваетъ блоху и отвѣчаетъ молчальницѣ:

„Мі буде до мі цкіріа!“

„Слыхано ли, (что) въ домѣ блоха!“

Молчальница повторяетъ:

„Мі бергі до мі цхвѣндіа!“

„Слыхано ли, (что) на потолокъ мотыга!“

Снизу отвѣтникъ говоритъ, ударяя объ землю пестикомъ:

„Цкырі — діха-самарес!“

„Да проглотить блоху преисподняя!“

Такъ повторяется три раза и тѣмъ оканчивается обрядъ „задержанія блохи“ (цкыріші чоцуа).

Затѣмъ „мешурбуме“ беретъ своего отвѣтника, въ сопровожденіи его обходитъ въ саду всѣ фруктовыя деревья, которыя почему-либо не даютъ плодовъ или даютъ черезъ годъ, и при каждомъ изъ нихъ, подымая топоръ, говоритъ:

„Око мобкватее!“

„Долженъ срубить!“

Сопровождавшій молчальницу по очереди „выручаетъ“ каждое изъ этихъ деревьевъ, говоря громкогласно: „Я ручаюсь за нихъ, что въ слѣдующемъ году они дадутъ плоды, только не руби ихъ теперь!“ и т. д.

Смыслъ обряда таковъ: куда ни вступить нога молчальницы, по тѣмъ мѣстамъ злые духи и змѣя не смѣютъ

*) Съ этого момента „мешурбуме“ разрѣшается говорить.

проходить, а соблюдавшіе заклѣтіе блохи избавляются отъ блохъ въ продолженіе года.

14. *Молитва пчелъ.* Крестьяне, владѣющіе пасѣкою, въ день Вознесенія Христа совершаютъ обрядъ жертвоприношенія. Жертва состоитъ, обыкновенно, изъ возможно большаго числа элипсондальныхъ кукурузныхъ хлѣбовъ „чвѣштарі“ — символа многочисленности ульевъ. Она совершается съ „укладываніемъ оиміама“ (окумацупші гіладвала). Хлѣбы должны быть сѣдены на мѣстѣ совершенія обряда, возлѣ ульевъ, въ знакъ того, что при роеніи пчелы не улетятъ далеко, а „привязываются“ тамъ же къ дереву или забору.

Божество, которому посвящается этотъ день, называется „Цгерегуна“ или „Цгерагуна“ (непонятно).

Форма выраженій молитвъ, за малымъ исключеніемъ, однообразна. Поэтому всего текста молитвы не излагаю.

15. „Еліоба“ (Ильицъ день) 20 іюля. День этотъ считается днемъ нечистыхъ духовъ и проводятъ его съ большою осторожностью, чтобы не случилось какой-нибудь бѣды. Съ заходомъ солнца начинаютъ во всѣхъ дворахъ трубить въ трубу, приготовляемую изъ коры деревьевъ нарочно для этого вечера, стрѣляютъ изъ ружей и всю ночь напролетъ бодрствуютъ. Молодежь (обоого пола) собирается на лугахъ и проводитъ ночь въ пѣніи и хороводахъ; до разсвѣта со всѣхъ сторонъ слышны раскаты ружейныхъ выстрѣловъ и пѣніе. По вѣрованію мингрельцевъ, злые духи: вѣдмы, чародѣи и чародѣйки такъ и шныряютъ въ эту ночь по селеніямъ въ образѣ волка, кошекъ, совы и др. животныхъ и птицъ; они тайно вынимаютъ у спящихъ людей сердце, легкія и печень и относятъ къ вѣдмѣ „Рокані“, которая, какъ старшая изъ всѣхъ, обитаетъ на вершинѣ горы „Табакона“ *) и проглатываетъ ихъ.

*) Гора эга находится на самомъ дѣлѣ въ Сенакскомъ уѣздѣ, Кутаисской губерніи.

Въ этотъ день хозяйка дома совершаетъ обрядъ жертвоприношенія „Еліа“ (Ильѣ) съ просьбою избавить „оле“ (супильникъ проса) отъ воспламенѣнія, а хозяинъ предъ домомъ и на всѣхъ поляхъ своихъ на видномъ мѣстѣ ставитъ деревянный крестъ (символъ спасенія) съ преданіемъ анаѳемъ всѣхъ злыхъ духовъ.

16. „Нацра“ (непонятно)—божество, которому обрядъ жертвоприношенія совершается ежегодно въ іюль мѣсяцѣ, исключительно въ день субботній. Надо думать, что божество это магометанское*), потому что при совершеніи обряда молитвы нужно стать лицомъ въ турецкую страну; притомъ, приступая къ совершенію обряда, заблаговременно запираютъ свиней. Въ жертву приносится цѣльный ржаной хлѣбъ (отдѣльно для каждой души) съ примѣсью сыра (шелебурі). Сыръ этотъ также долженъ быть приготовленъ особеннымъ образомъ. Въ Мингреліи, обыкновенно, молоко створаживаютъ настойкой на желудкѣ свиньи или коровы. Желудокъ этотъ заблаговременно солятъ и коптятъ и называютъ „наці“. Для „нацры“ нельзя употребить сыра изъ свиного желудка.

Въ день совершенія обряда никто не долженъ ѣсть сыра другого приготовленія или свинины, иначе лишается права совершенія его до слѣдующей субботы.

Когда хлѣбъ готовъ, берутъ обязательно ольховую курающуюся головешку (каждый членъ семьи особо) и идутъ въ лѣсъ, а за отсутствіемъ его подъ кукурузу и, ставъ на колѣняхъ лицомъ по направленію къ Турціи, молятся:

„Нацурнаха патъні, дідебуані, сахелуані! джарі
 „(Непонятно) господишь, великій, славный! сегодняшній
 хвама сі гомітѣбінее. Убадо џуа сі домічѣліѣе;
 молитвы (ради) ты умилистави, Отъ дурной боли ты спаси;

*) Или святѣня эта въ рукахъ магометанъ.

цг҃҃рі шелебуріші хвама ҃ірсуані мі҃іі. Таші морзгві-
хорошаго хлѣба приношеніе достойное будь миѣ. Такъ правиль-
ше сі днморінее!“
но ты поверни (меня)!“

При послѣднемъ словѣ поворачиваютъ хлѣбъ направо и рѣжутъ его крестообразно на четыре части. Этимъ кончается обрядъ.

Всякое появленіе ревматизма или иной временной боли въ ногахъ приписываютъ гнѣву этого божества.

Могутъ быть и такія лица, которыя не обязаны соблюдать этого обряда, но кто разъ нечаянно или по ошибкѣ покушалъ или „напрійскаго“ хлѣба или сыра, для него приготовленнаго, то такой обязанъ дальше соблюдать его.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ другихъ случаяхъ мингрельцы считаютъ большимъ грѣхомъ стоять на молитвѣ лицомъ къ западу, къ Турціи.

17. „Че҃четоба“ (непонятно). Такъ называется канунъ Успенія Богоматери. Этотъ день (исключая молитвенный обрядъ) считается такимъ же днемъ, какъ и „Еліоба“ (20 іюля) и проводится такимъ же образомъ (см. § 15).

18. „Месе҃цоба“. Всѣ признаки осени налицо: чисты поля, плоды созрѣли, листья пожелтѣли и опадаютъ, небо часто облачно — однимъ словомъ, природа уходитъ отдыхать на-зиму. Октябрь на исходѣ; начинаются частые дожди — первые признаки появленія „Месе҃ці“. Само это слово непонятно, а означаетъ божество, повелѣвающее всѣмъ царствомъ животныхъ, птицъ и пресмыкающихся. Отъ этого слова и промежутокъ времени отъ 28 октября по 3 ноябрю носитъ названіе „Месе҃цоба“. Мѣстомъ постоянного пребыванія „Месе҃ці“ считается море или мѣстность за-моремъ, и потому существуетъ выраженіе:

„Месе҃цік екііл!“

„Месени вышель!“

Божество это представляют въ видѣ человѣка, имѣющаго душу и тѣло, такъ же одѣвающееся и размножающееся, какъ и простые смертные; но ихъ никогда не бываетъ слишкомъ много — всегда не болѣе одной обыкновенной семьи. Кромѣ того, они никогда не бываютъ ни старыми, ни молодыми. Они бессмертны.

Къ концу октября (28) они, оставивъ дома одного сторожемъ, берутъ посохъ, одну собаку-попутчицу и расходятся попарно и больше въ разныя стороны. Цѣль ихъ путешествія — провѣрить вѣренное имъ царство относительно годичной прибыли или убыли, собрать съ него дань назиму.

„Месеці“ бываютъ и мужчины и женщины. Появленіе послѣднихъ сопровождается сильными дождями, въ отличіе отъ мужчинъ, при появленіи которыхъ можетъ быть, какъ и въ настоящемъ 1902 году, хорошая погода въ знакъ того, что „Месеці“ прибылью доволенъ и не гнѣвается. Нѣкоторымъ представителямъ фауны (рыба, дичь, пернатые) сборнымъ пунктомъ для провѣрки предназначены горы, куда они и направляются къ концу октября.

Увѣряютъ, что какъ будто и до настоящаго времени есть такіе люди, которые воочью видѣли „Месеці“, опирающагося на посохъ и пропускающаго мимо себя цѣлую „гибель“ кабановъ. А одинъ старикъ „Куіа Беранзе“ увѣрялъ меня, что ему самому въ молодости пришлось лично видѣть одну собаку „Месеці“, которая нечаянно заблудилась въ лѣсу и попала въ плѣнь одному пастуху.

Собака эта недолго жила и при жизни отличалась большою сообразительностью.

Полагаютъ, что безъ помощи и разрѣшенія этого божества охотники не въ состояніи убить никакой дичи, и потому всякій неудачный выстрѣлъ приписываютъ нежеланію и даже противодѣйствію „Месеці“.

19. „Барбалоба“, день св. великомученицы Варвары, 4 декабря, считается большим праздником у мингрельцевъ. Въ этотъ день подь страхомъ смерти воспрещенъ для всѣхъ ручной или всякій иной трудъ. Объясняютъ это тѣмъ, что какая-то женщина въ этотъ день противъ обычая стала прясть пряжу и превратилась въ черный камень, который въ настоящее время гдѣ-то прислоненъ къ столбу и ежегодно въ этотъ день вздрагиваетъ.

Въ этотъ день, по вѣрованію мингрельцевъ, солнце на одинъ шагъ „прыгаетъ“ (схапунцы) назадъ и начинается непрерывное увеличеніе дня.

20. „Хехунцоба“ (праздникъ рукъ и плечъ)—31 декабря. Это—последній въ году изъ дошедшихъ до насъ обрядовъ, ежегодно соблюдаемыхъ мингрельцами въ опредѣленные дни мѣсяца. Кромѣ того, существуютъ еще два обряда, совершающихся въ неопредѣленное время года (только не зимою). О нихъ будетъ ниже.

„Хехунцоба“ соблюдаютъ только кузнецы или слесари, которые въ кузнѣ или слесарнѣ обязаны имѣть винный кувшинъ (лагвані), ежегодно наполнять его виномъ и приносить въ жертву св. Соломону (см. главу V) въ этотъ день непременно свинью. Последняя называется „Охехунце“.

Наканунѣ праздника дѣти слесаря ходятъ по селу съ сумою (въ этомъ и я имѣлъ случай участвовать въ дѣтствѣ) и собираютъ съ жителей того села: просо въ зернахъ, яйца, соль и все, что дадутъ. Почему-то подобный сборъ обязателенъ. Крестьяне даже обижаются, если „мехехунце“ *) ихъ минетъ.

Въ недалекомъ прошломъ и, даже, до настоящаго времени слесарей уважали и уважаютъ, наравнѣ съ духовенствомъ, какъ священныхъ особъ—последователей св. Соло-

*) Названіе сборщиковъ.

мона; предавіе кого-либо слесаремъ, именемъ своей слесарни, анаѣемъ до сихъ поръ у мингрельцевъ считается высшимъ проклятіемъ.

И того не скрываютъ, что слесари какъ бы прокляты Христомъ за приготовленіе гвоздей, а воръ, укравшій гвоздь, предназначенный для груди Его, благословленъ. На этомъ основаніи воровство считается чѣмъ-то легальнымъ и даже въ нѣкоторомъ родѣ добродѣтельно.

Вотъ молитва, которую слесарь-отецъ въ кругу своихъ дѣтей, исключительно сыновей, произноситъ (все стоятъ на колѣняхъ) у открытаго полного вишняго кувшина въ слесарнѣ:

„Цмнда Соломо, сумоші суменечі до сумі хелуаші
„Святой Соломонъ, трехсотъ шестидесяти и трехъ ремесль
горчкѣнуу! Ма до чкімі скуалецъ дѣарі хвама сі
учредитель! На меня и моихъ дѣтей (ради) сегодняшней молитвы ты
гоутыбінее, хе-хуці моумарті, цанаші хвамаша
ниспошли милость, руку-плечо поправь, до слѣдующаго года молитвы
сі кімііруні до тапі морзгвіше сі даарінее, скані сахелі
ты приведи и такъ вправо ты поставь, твое имя (да
хвamelі!“
будеть) благословенно!“

При этомъ поворачиваетъ вправо „нісорі“ (деревянное блюдо), полное разными купаньями. Подъ конецъ, продолжая стоять на колѣняхъ, дѣти изъ указательныхъ и большихъ пальцевъ обѣихъ рукъ образуютъ предъ собою кругъ, черезъ который отецъ проливаетъ, для каждаго отдѣльно, вино, говоря:

„Таші сі гаішееууні чкімі (.) ірі чѣа—
„Такъ ты выведи моего (слѣдуетъ имя) изъ всѣхъ болѣзней—
гачіребаше!“
бѣдствій!“

21. „Галенішіші Орта“ (звѣрей повелитель). Изъ

молитвенныхъ обрядовъ, соблюдаемыхъ покойнымъ отцомъ, приходится описать еще два; изъ нихъ первый носить названіе „Галеніпіші Орта“. Это божество—повелитель звѣрей лѣсныхъ.

Обрядъ этотъ совершается старшимъ въ семьѣ, обязательно въ скотномъ дворѣ, называемомъ „агвара“ или „карта“, предъ накрытымъ столомъ (табаки). На столѣ лежитъ жаренный козленокъ, молочный кисель (чемхва), мамалыга съ сыромъ (еларці), кукурузный хлѣбъ съ сыромъ (чвіштари), свѣжій сыръ, вино и т. д.... роскошный столъ! Мѣсто въ скотномъ дворѣ, гдѣ столъ стоитъ, должно быть чисто выметено. Вообще, при совершеніи этого обряда должна соблюдаться чрезмѣрная чистота и опрятность.

Обрядъ этотъ самый таинственный изъ всѣхъ и при совершеніи его никто не въ правѣ присутствовать, кромѣ самого молящагося.

Мнѣ разъ случайно пришлось подсмотрѣть всю тайну совершенія обряда. Отецъ забылъ забрать съ собою ручное полотенце, которое на зовъ отца мнѣ, какъ маленькому, поручили отнести. Я отнесъ полотенце, но воспользовался случаемъ, чтобы прослѣдить всю церемонію, и спрятался за кустомъ.

Отецъ сталъ предъ накрытымъ столомъ съ обнаженной головой и шепталъ какую-то молитву. Черезъ нѣкоторое время онъ придвинулъ къ столу длинную скамейку, какъ бы для гостей; потомъ для этихъ невидимыхъ гостей поставилъ тазъ, налилъ имъ, будто бы, воды на руки и далъ полотенце вытереть ихъ. Гости-невидимки принялись будто за ѣду, а онъ, стоя на колѣняхъ, наливалъ имъ вино. Тѣмъ временемъ я удалился.

По окончаніи обряда отецъ, обыкновенно, звалъ всѣхъ къ себѣ. Кто первымъ являлся, тотъ получалъ лакомые куски. Самый отраднѣйшій моментъ въ жизни дитяти!

Время для совершенія обряда избирается любое (съ весны до осени).

Вотъ слова молитвы:

„Галенішіші орта, дідебуані, салелуані! Чкімі
„Звѣрей повелитель, великій, славный! Надъ моимъ
орінц сі гаатѣбі, амішіні! Учу-ухашүші маікумалц
скотомъ ты умилившись, умножь! Нежаренно-вареннаго ѣвчимъ (звѣ-
кібірі гакууткачі до окуукылее!“
рямъ) зубы сведи и заключи!“

Почти нераздѣльно съ этимъ совершается другой обрядъ, носящій названіе:

22. „Жініші Орта“ (верхняго повелитель)—это божество, распоряжающееся громомъ и молніею. Обрядъ жертвоприношенія совершается лѣтомъ и состоитъ въ слѣдующемъ:

Старшій въ семьѣ беретъ ножъ, дрова, воду, огонь, два кукурузныхъ хлѣбца и одного пѣтушка, съ котораго, расположившись въ лѣсу подъ деревьями, снимаетъ кожу съ пухомъ и крыльями; шкуру эту вѣшаетъ на деревѣ возможно высоко и, совершивъ тайно молитву, зоветъ сыновей своихъ, если они есть; въ ихъ присутствіи жаритъ пѣтушка на огнѣ и закусываетъ съ ними.

Если въ продолженіе года или хищный звѣрь утащитъ скотину, или молнія убьетъ, то это приписывается гнѣву этихъ божествъ.

VII. Обычай побѣждать нѣкоторыхъ птицъ и животныхъ.

У мингрельцевъ существуетъ обычай—побѣждать нѣкоторыхъ птицъ и животныхъ при первой встрѣчѣ послѣ Нового года. Птицы побѣждаютъ людей въ томъ случаѣ, когда онѣ застаютъ ихъ натошакъ утромъ, а животные—

когда заблеютъ или закричатъ прежде, нежели человѣкъ успѣетъ сказать: „мірді-мірді!“ (вырастай-вырастай!).

Для того чтобы птица побѣдила человѣка, необязательно видѣть ее непосредственно; она можетъ побѣдить человѣка и въ постели своимъ пѣніемъ или крикомъ. Въ виду этого съ наступленіемъ весны у каждаго мингрельца лежитъ въ карманѣ кусочекъ соли, которая замѣняетъ при этомъ закуску. Обладатель или обладательница соли, замѣтивъ по крику, или вообще движенію другихъ приближеніе опасности, сейчасъ же хватается за соль. Прежде чѣмъ услышать птицу, стоитъ только глотнуть слюну съ солью; тогда давно желанная побѣда выиграна.

Побѣжденнаго иволгой въ томъ году ожидаетъ большое горе въ смыслѣ утраты близкихъ родственниковъ. Побѣжденнаго цыплятами цѣлый годъ будетъ преслѣдовать постоянная рвота и тошнота, а побѣда кукушки имѣетъ значеніе только для хозяевъ-сѣятелей, которыхъ, какъ говорится „осилить“ сѣмя (тасі гінааргінанц), т. е. всходы будутъ частые. Последнее обстоятельство вредно отзывается на дальнѣйшемъ ростѣ злака.

Теченіе слюны изо рта во время сна приписывается побѣдѣ теленка. Если человѣкъ проговорится и черезъ это часто приходится краснѣть, то это приписывается побѣдѣ козленка. Самое нежелательное—это побѣда поросенка. На каждомъ шагу будутъ попадать брызги грязи въ лицо и на платье.

VIII. Мингрельскія преданія и повѣрья.

А. Преданія, касающіяся флоры и фауны.

Чеснокъ и лукъ.

Одному смертному удалось поймать діавола, котораго онъ и водилъ потомъ по бѣлому свѣту, желая ему все по-

казать. Показывали діаволу всё достопримѣчательности, но нигдѣ ничто не привлекло его вниманія. Во все это время онъ былъ необыкновенно молчаливъ. Въ одинъ изъ базарныхъ дней діаволъ примѣтилъ, какъ одна баба промѣняла лукъ на чеснокъ и улыбнулся. На вопросъ хозяина діаволъ объяснилъ: „меня поражаетъ то обстоятельство, что у васъ смерть (лукъ) мѣняють на противоядіе смерти (чеснокъ)“.

Волкъ.

Существуетъ повѣрье, будто, въ Великій Четвертокъ, ночью, волчица выводитъ на свѣтъ Божій дѣтенышей и съ зарею идетъ въ рѣкѣ купаться; кому изъ людей въ эту ночь посчастливится раньше волчицы выкупаться, тотъ въ продолженіе года застрахованъ отъ всякаго рода болѣзней. Поэтому всё въ семьѣ должны въ эту ночь выкупаться.

Земляной червь.

Червя увѣрили въ томъ, что въ близкомъ будущемъ долженъ наступить конецъ свѣта. Тотъ, долго не думавши, ослабилъ себя, говоря: „лучше не видѣть моимъ глазамъ такого несчастья“. Такимъ образомъ въ настоящее время червь лишенъ самаго важнаго органа—зрѣнія.

Филинъ.

Раньше филинъ былъ царемъ всехъ птицъ. Последнія окружали его и рабски прислуживали, очищая, по временамъ, голову его отъ паразитовъ.

Самая задорная изъ птицъ, сойка, осматривая разъ голову филина, спрашиваетъ послѣдняго, почему у него на головѣ такой мягкой пухъ. Тотъ объясняетъ, что онъ и духомъ такъ же слабъ, какъ слабъ пухъ на его головѣ. Сойка воспользовалась чистосердечнымъ признаніемъ филина. По ея уговору всё птицы и малыя, и большія, воз-

стали противъ филина, котораго избили порядкомъ и хотѣли даже убить, но онъ спасся въ дуплѣ дерева.

Съ тѣхъ поръ злополучный филинъ, боясь бывшихъ своихъ рабынь и, повинуюсь судьбѣ, безропотно переноситъ лишеніе своего величія и дневного свѣта.

Филинъ, какъ одинъ изъ несчастныхъ міра сего, по ночамъ произноситъ заунывно и грустно: „къ страданіямъ привыкъ я давно!“

Камбала.

Камбала жарилась на вертелѣ. Было то самое время, когда впервые стали разноситься слухи о Свѣтломъ Воскресеніи Христа Спасителя. Одинъ говоритъ другому, что если Воскресеніе Христа—сущій фактъ, то пусть эта рыба оживетъ. Одинъ бокъ ея былъ совершенно зажаренъ. Дѣйствительно, послѣдняя затрепетала. Тотчасъ сняли ее съ вертела и пустили тутъ же въ море. Этимъ и объясняютъ то обстоятельство, что камбала имѣетъ глаза только съ одной стороны.

Соловей.

За какой-то грѣхъ никѣмъ не отмѣченный и всѣми забытый соловей осужденъ всю ночь напролетъ бодрствовать или же проводить все время въ пѣніи. Въ противномъ случаѣ подъ мѣстомъ отдыха его вырастетъ „цшалиа“ (хмель)* и задушитъ его. Отъ этого слова и самое названіе соловья „мацшалиа“ (пѣвецъ хмеля).

Въ пѣніи различаютъ слѣдующія слова, которыми соловей обращается и зоветъ дикихъ козъ: „Иди, иди, иди! поѣшь, поѣшь, поѣшь! съ корнемъ, съ корнемъ, съ корнемъ!“ (указывая на хмель)**).

*) Хмель этотъ, пройдя заднепроходное отверстіе, вырастетъ изъ рта и тѣмъ задушитъ его.

**) Жаль, что эти слова авторъ не привелъ по-мингрельски. Ред.

Зайчѣ.

Зайчиха предложила новорожденному своему дѣтенышу вопросъ слѣдующаго содержанія: сколько времени желаетъ онъ кормиться грудью матери: „годъ“ или „три дня и три ночи?“ Зайчикъ, думая, что „три дня и три ночи“ должно быть больше, чѣмъ одно это слово — „годъ“, выбралъ то, что больше. Поэтому нынѣ зайчиха кормитъ грудью своихъ дѣтенышей только трое сутокъ.

Змѣя, ласточка, пчела и лягушка.

Змѣя была прежде ангеломъ, но за какой-то проступокъ Богъ ударилъ ее палкой по головѣ и превратилъ въ настоящую змѣю. Долго она ползала по землѣ безъ пищи и пріюта. Подъ конецъ она выбираетъ въ посредницы ласточку и пчелу и посылаетъ ихъ ходатайствовать предъ Богомъ о назначеніи ей, змѣѣ, какъ и другимъ Его твореніямъ, что-нибудь въ пропитаніе. Богъ приказываетъ ходатаямъ обойти весь свѣтъ, перепробовать все и, что найдутъ они вкуснѣе всего, то будетъ назначено змѣѣ въ пищу.

По истеченіи многихъ дней, недѣль и мѣсяцевъ посредницы опять встрѣтились.

На вопросъ ласточки пчела объяснила, что вкуснѣе всего на свѣтѣ она нашла грудного ребенка въ колыбели. „Въ такомъ случаѣ покажи мнѣ языкъ, который пробовалъ такой вкус!“ Пчела высунула его, а ласточка цапъ! вырвала изо рта пчелы языкъ съ корнемъ и проглотила.

Предстали предъ Господомъ.

Онѣмѣвшая пчела ничего не могла передать Богу, а ласточка (эта подруга человѣка) объяснила, что вкуснѣе всего на свѣтѣ она нашла „горді“ (лягушку). Послѣдняя и была Богомъ назначена змѣѣ въ пищу.

Въ каштановомъ лѣсу и его окрестностяхъ часто мож-

по встрѣтитъ въ землѣ большой запасъ каштановъ, которые весною даютъ знать о себѣ молодыми всходами. Старики объясняютъ, что запасы эти дѣлаютъ лягушки въ ожиданіи появленія у нихъ зубовъ, которыми онѣ въ состояніи будуть ихъ ѣсть.

Черепаха.

Замужняя женщина въ ожиданіи своего любовника приготовила обѣдъ и еще не успѣла снять жаренной курицы съ вертела, какъ видитъ, ѣдетъ ея родной братъ. Она моментально курицу эту сняла съ вертела, положила на тарелку, сверху прикрыла деревянной миской и припрятала съ намѣреніемъ скрыть ее отъ брата. Послѣ легкаго угощенія братъ, передавъ сестрѣ хорошія извѣстія о домашнихъ, поѣхалъ къ себѣ домой.

Черезъ нѣкоторое время пріѣхалъ ожидаемый. Она открываетъ шкафъ и не находитъ ни курицы ни посуды. Оказывается, курица эта ожила, тарелка внизу и миска наверху превратились въ ея чешую и она уже настоящей черепахой удалилась въ болотистое мѣсто, гдѣ и скрылась.

Въ наказаніе за такую измѣну любви къ брату, однѣмъ только женщинамъ предопредѣлена судьбою особая сыпная (нарывчатая) болѣзнь *). Болѣзнь эта называется „ку“ (черепаха), но ея не называютъ этимъ именемъ, а называютъ „усажего“ (безымянная). Это потому, что женщинамъ воспрещается произносить имя черепахи.

Коршунъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ коршунъ большую часть дня проводитъ въ „поднебесьѣ“ и при этомъ, описывая въ выси круги, издаетъ особый жалобный крикъ. Вотъ чѣмъ объясняютъ это обстоятельство.

*) Неизвѣстно, что за болѣзнь имѣеть въ виду это преданіе. Ред.

У коршуна было трое дѣтенышей, которые, сдѣлавшись способными къ самостоятельной жизни, напали на воспитавшую ихъ мать и хотѣли ее задушить. Она обратилась къ Богу съ просьбою — воздать должное дѣтямъ ея. Всемогущій воспретилъ коршунамъ пить воду въ іюлѣ мѣсяцѣ. Послѣ этого, въ продолженіе указаннаго срока всякая вода кажется коршуну кровавой, исключая застоявшейся въ дуплѣ дерева, которую позволяетъ имъ пить во всякое время.

Кукушка.

Отіе (собственное имя) былъ образцовый крестьянинъ въ своемъ селѣ; его всѣ любили и уважали, кромѣ тѣхъ, которые были преданы неисправимой лѣности и не могли смотрѣть хладнокровно на трудолюбиваго старика. Куда ни взглянешь: во дворъ ли, въ садъ, огородъ или въ домъ его, вездѣ представлялись взорамъ примѣрный порядокъ и образцовая чистота. При этомъ надо сказать, что онъ былъ человѣкъ очень веселаго характера; да некогда было ему и скучать: круглый годъ онъ бывалъ занятъ. Занятія у него распредѣлены были соотвѣтственно временамъ года. Мало того, что онъ самъ былъ образцовый хозяинъ: его завѣтнымъ желаніемъ было, чтобы и другіе его сосѣди были такими же. Потому, богатъ ли сосѣдъ, бѣденъ ли, только и слышно было отъ него: „Пора пахать! Пора сѣять! Пора сѣять! Пора полоть! Пора собирать!“ и т. д. Даже онъ этимъ причинялъ сосѣдямъ нѣкотораго рода беспокойство, конечно, къ пользѣ послѣднихъ.

Трудно описать, какое удручающее впечатлѣніе произвело на жителей и послѣдователей Отіе, когда онъ безвѣстно исчезъ, какъ сквозь землю провалился. Это случилось въ первыхъ числахъ февраля. Одни изъ крестьянъ говорили, будто онъ похищенъ и проданъ въ неволю, другіе, имѣя въ виду его старческій возрастъ, говорили, что его

убили и ограбили. Но настоящая причина никому не была известна.

Но каково было всеобщее удивленіе, когда ранней весной, какъ разъ въ то время, когда Отіе, бывало, сзывалъ сосѣдей на совѣтъ или приглашалъ приступать къ полевымъ работамъ, услышали знакомый имъ голосъ Отіе— „Куку! Куку!“ Сбѣжались крестьяне въ надеждѣ увидѣть Отіе, но ихъ глазамъ предстало существо, въ голосъ котораго они слышали и видѣли самого Отіе—это была кукушка.

Чѣмъ больше они вслушивались въ голосъ ея, тѣмъ явственнѣе они стали различать въ немъ выраженія: „хачкіт!“, „баргіт!“ (сбѣйте! очищайте!), а иногда: „катха-бвіні! катха-бвіні!“ (столь-вино! столь-вино!) Такимъ образомъ сосѣди Отіе узнали, что послѣдній не убитъ и не проданъ, а превращенъ Богомъ въ кукушку за примѣрное веденіе хозяйства въ средѣ неопытныхъ и лѣнивыхъ сосѣдей.

Всемогущій, превращая Отіе въ кукушку, разрѣшилъ ему брать съ урожая „хвее“ (преизбытокъ съ богатаго урожая).

Крестьяне больше чѣмъ увѣрены въ томъ, что если бы кукушка не брала съ ихъ урожая „хвее“, то тогда былъ бы такой урожай, что не хватило бы закрома для хлѣба и плодовъ.

Табакъ.

Случился грѣхъ великій! Братъ вступилъ въ преступную связь съ сестрою; послѣдняя зачала сына и во время родовъ „лопнула“ (такъ выразился крестьянинъ, передававшій мнѣ объ этомъ). На могилѣ ея выросъ табакъ. Потому послѣдній считается плодомъ тяжкаго грѣха, содѣланнаго когда-то человѣкомъ.

Существуетъ другое по этому поводу преданіе, въ ко-

торомъ табакъ считается растеніемъ, выросшимъ на могилѣ возлюбленной.

Посѣщая ежедневно могилу своей возлюбленной, молодой человѣкъ находитъ молодой всходъ, привлекшій вниманіе его тѣмъ, что росъ прямо надъ грудью покойной. При тщательномъ уходѣ изъ этого всхода выросло растеніе, которое нынѣ называется табакомъ. Молодой человѣкъ попробовалъ употребить его въ пищу, но нашелъ негоднымъ. Послѣ долгой и продолжительной возни изъ него получился табакъ. Всю жизнь оставшись холостымъ, молодой человѣкъ предался куренію табаку, съ которымъ разстался только со смертию.

По словамъ Кокія Пипія, пастуха изъ сел. Джвари (верхняя Мингрелія), табакъ считается растеніемъ, выросшимъ на могилѣ матери, которая подвела родного сына своего общаніемъ привести къ нему на ночь женщину, вслѣдствіе чего приказала оставить дверь открытою и сама пришла къ нему. Сынъ въ порывѣ негодованія убиваетъ мать свою и зарываетъ ее въ навозную кучу, на которой и выросъ табакъ (плодъ тяжкаго грѣха).

Б. Преданіе, касающееся династии владѣтельныхъ князей Мингреліи — Дадіановыхъ *).

Мингрелія подпала подъ власть имеретинскаго царя. Въ числѣ приближенныхъ послѣдняго находился одинъ мингрельскій князь по фамиліи „Чіквані“ (Чиковани). Имя его неизвѣстно. Онъ былъ царскимъ конюхомъ (бзіндарі). Жена его въ недалекомъ будущемъ должна была родить и слегла въ постель. Въ одинъ прекрасный день, откуда ни возмись, чекалка воѣжала въ домъ и, спрятавшись подъ кроватью больной княгини, начала ревѣть. Слуги бросились на нее,

*) Записано со словъ столѣтняго старца жителя сел. Куисъ-Кари Гватія Чургүлія.

но она успѣла спастись бѣгствомъ. Это сочли за сверхъестественное явленіе. Достали пророческую книгу — „Ерті“ *), изъ которой вычитали слѣдующее: „послѣ такого явленія большая разрѣшится сыномъ, который впослѣдствіи завладѣетъ цѣлою Одиши. До шестого вѣнца потомки его да владѣютъ ею, а послѣ шестого царя вся Одиши пусть достанется навѣки красному человѣку“. „Одиши“ названіе Мингреліи, которая тогда, по словамъ того же крестьянина, занимала береговую полосу отъ Анапы до Трапезунта.

Многое было вычитано изъ „Ерті“ и многое позабыто. Такъ и это.

Княгиня разрѣшилась сыномъ, котораго называли Бежути. Послѣ смерти отца его обязанность при царскомъ дворѣ исполнялъ молодой Бежути. Едва минуло ему 25 лѣтъ, какъ онъ впалъ въ немилость царя, который немедленно удалилъ его изъ дворца.

Бежути по пріѣздѣ на родину, успѣлъ вооружить противъ царя всѣхъ своихъ однофамильцевъ — князей, которые помогли ему собрать войско изъ среды храбрыхъ мингрельцевъ.

Мингрельское войско, воодушевленное геройскимъ духомъ Бежути, подъ командою котораго оно находилось, напало на ожидавшее ихъ на берегу рѣки „Цхені-Цкарі“ имеретинское войско, разбило его наголову и обратило въ бѣгство.

Послѣ этого большинствомъ голосовъ Бежути былъ избранъ первымъ „Дадіею“ **).

Изъ всѣхъ было шесть: 1) Бежути, 2) Отіе, 3) Каціе, 4) Григорій, 5) Леванъ и 6) Давидъ, который былъ послѣд-

*) Она писана діакономъ Мирцхулава, который считался пророкомъ (ерті); его потомки крестьяне Мирцхулавы и теперь живутъ въ Кулисъ-Кари Зугдидскаго уѣзда.

**) „Дадія“ — царь. Отъ этого слова произошла впослѣдствіи и фамилія Дадіановыхъ.

нимъ владѣтельнымъ княземъ Мингреліи. Онъ вступилъ на престолъ 1846 году и умеръ въ 1853 году, ввѣривъ судьбу Мингреліи и ея народа *Вѣнценосному Хозяину* земли русской (что и было сказано въ „Ерті“).

Пятый владѣтельный князь Леванъ, отецъ Давида, былъ съ русыми волосами. Подобнаго мингрельцы называютъ краснымъ человѣкомъ. Помнившіе „Ерті“ считали его вѣчнымъ царемъ Мингреліи, но подобное мнѣніе было разсѣяно съ появленіемъ Давида, послѣдняго царя.

І. Кобаля,

смотритель Дарчельскаго двухкласснаго училища.